

**ТЕМА АРМЯНСКОГО ГЕНОЦИДА В СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ПРОЗЕ****Нуне Аракелян***к. ф.н., доцент**АрГУ*

Ключевые слова: замалчивание, резня, Холокост, цензура, памятник, сопротивление, солидарность, возрождение.

С самых первых дней трагических событий в Османской империи все периодические издания России стали публиковать статьи и комментарии, посвященные массовой резне армянского населения. Известнейшие политические и культурные деятели выступили с заявлениями, резко осуждающими зверства младотурок в отношении армян. Не осталась в стороне от этой темы и художественная литература. Особое место и роль в отклике на трагедию армянского народа принадлежит В.Я. Брюсову. В разные периоды 20 века о геноциде армян писали Сергей Городецкий, Немирович–Данченко, Горький, Бунин, Мандельштам, Петровых и многие другие известные авторы.

В советские годы, не желая портить отношения с Турцией, власти наложили негласный запрет на все упоминания о геноциде армян в истории, прессе, публичных выступлениях. и художественная литература осталась, пожалуй, единственной сферой, где так или иначе, порой в завуалированной форме, говорилось о трагедии армян в начале 20 века.

В послевоенной прозе одной из самых интересных книг об армянах стала повесть Василия Гроссмана «Добро вам». Приехав в Армению в 50-х, Василий Гроссман создал в своем творчестве еще один неповторимый мир, еще одну маленькую вселенную. Встречаясь с армянами, общаясь с ними, писатель чувствует их незажившую боль не только из-за недавно окончившейся Великой Отечественной войны, в которой армянский народ потерял сотни тысяч своих сыновей и дочерей, но армян постоянно мучает и их боль из-за того, что мир забыл про миллионы невинных жертв армянского геноцида, та боль, которую Гроссман, будучи евреем, чувствует особенно остро. Причем, о геноциде армян в повести «Добро вам» говорится в контексте холокоста евреев: «Какая-то чудная тишина стояла в сарае. Десятки глаз смотрели на меня. Я не понимал слов говорившего, но выражение многих глаз, внимательно, мягко глядевших мне в лицо, почему-то сильно взволновало меня. Мартиросян перевел мне речь плотника. Он говорил о евреях. Он говорил, что в немецком плену видел, как жандармы вылавливали евреев-военнопленных. Он рассказал мне, как были убиты его товарищи - евреи. Он говорил о своем сочувствии и любви к еврейским женщинам и детям, которые погибли в газовнях Освенцима. Он сказал, что читал мои военные статьи, где я описываю армян, и подумал, что вот об армянах написал человек, чей народ испытал много жестоких страданий. Ему хотелось, чтобы о евреях написал сын многострадального армянского народа.

Я низко кланяюсь армянским крестьянам, что в горной деревушке во время свадебного веселья всенародно заговорили о муках еврейского народа в период

фашистского гитлеровского разгула, о лагерях смерти, где немецкие фашисты убивали еврейских женщин и детей, кланяюсь всем, кто торжественно, печально, в молчании слушал эти речи. Их лица, их глаза о многом сказали мне. Кланяюсь за горестное слово о погибших в глиняных рвах, газовнях и земляных ямах, за тех живых, в чьи глаза бросали человеконенавистники слова презрения и ненависти: "Жалко, что Гитлер всех вас не прикончил".¹

Повесть об Армении Гроссмана «Добро вам», несмотря на явную позитивность, в СССР была положена на полку и не получила большей известности. Поэтому первой художественной книгой в русской прозе, в которой так или иначе упоминался армянский геноцид, по праву считается культовый роман-путешествие «Уроки Армении» Андрея Битова. Яркость впечатлений и красок романа обусловлена тем, что для Битова Армения была тогда неизведанной, загадочной страной. Армению, армян, их менталитет, историю писатель видит сквозь призму своих эмоций и переживаний. Отсюда и наличие большого количества символики в романе. Сквозь призму своих ощущения Битов описывает и геноцид армян, о котором он впервые узнал от своего друга-писателя Гранта Матевосяна.

Вспоминая свою первую и далекую поездку, писатель подчеркивает: «О том, когда я впервые услышал слова «резня», «армянская резня», помню абсолютно точно. И мне до сих пор стыдно и отвратительно, что это случилось, когда мне было уже почти тридцать лет. Мне кажется, слова такого рода каждый человек должен услышать в раннем детстве, чтобы запомнить на всю жизнь и бояться их, как Божьего суда... Я услышал о резне от своего друга – писателя Гранта Матевосяна, он объяснял мне все очень хорошо... но я ничего не понимал. Начал понимать через несколько лет, когда приехал к нему в Армению и заглянул в такую полузапрещенную книгу материалов о резне... Что меня тогда потрясло? Что ошеломило? Для размышлений, для анализа не оставалось места.

Это была Книга. Самое большое, что меня поражает – когда человек ли, целый народ поднимают свою скорбь и свое достоинство до масштабов великой книги. История замалчивания скорби и достоинства с первого и до сегодняшнего дня продолжается, так или иначе»².

Андрей Битов вспоминает, как в далеком 1969 году перед опубликованием книга «Уроки Армении» прошла жесткую цензуру, как безжалостно вырезывали из нее целые куски с цитатами инструкций по поводу освещения подробностей геноцида армян: «дескать, надо хранить вежливое молчание в этом вопросе».³ Писатель откровенно называет эти инструкции фашистскими, а проблема освещения геноцида армян одним общемировым процессом, чего, к сожалению, пока не понимает цивилизованная Европа, время от времени поднимающая вопрос о вхождении Турции в европейское сообщество. Проблему необходимости признания миром геноцида армян Битов в своих высказываниях и интервью всегда называл последним оплотом сопротивления гуманизма, а попытки снять ответственность с современной Турции за уничтожение армян, попытки замалчивания - смыканием Ветхого Завета с Концом Света. «Это люди, существующие несмотря ни на что, и именно этим, быть может,

¹ Василий Семенович Гроссман, Добро вам! М., «Советский писатель», 1967, с. 84.

² Андрей Битов, Интервью газете «Новые известия» <http://andrey-bitov.ru/uroki-armenii/>

³ Там же, с.84

более, чем другие, они завоевали полное право на продолжение своего тысячелетнего существования»¹ (интервью газете «Новые Известия»).

В «Уроках Армении» молодой писатель, впервые приехавший в Армению в конце 60-х годов 20 века и впервые услышавший о геноциде армян, признается, что испытал чувство настоящего стыда за то, что ни он, ни его ровесники об этом ничего не знают. Размышляя о том, кого можно или нельзя считать арменофилом, Битов убежденно относит себя к первым. «Армянофилом можно стать, совершенно не заметив, как это случилось. Например, открыв одну академическую книгу в любом месте и прочитав из неё любую страницу:

... «В некоторых из деревень жители перебиты, а другие – только разграблены. Также значительное число людей вместе со священниками силой обращено в магометанство; церкви превращены к мечети. Большинство деревень Хизана разграблено и подвергнуто избиению. Изнасилованы девицы и женщины, и множество семейств обращено силой в магометанство. Церкви ограблены, святыни осквернены, настоятели монастырей Сурб-Хача и Камагиеля умерли в ужасных пытках. Писателя переполняет возмущение по поводу лицемерного отношения цивилизованных стран к геноциду армян. Для этих стран предпочтительнее не портить отношения с турками из-за армян, пусть даже зверски уничтоженных «"О зверствах над армянами можно сказать следующее: эти вопросы, касающиеся внутренней администрации, не только не должны ставить под угрозу наши дружественные отношения с Турцией, но и необходимо, чтобы в данный тяжелый момент мы воздержались даже от их рассмотрения. Поэтому наша обязанность хранить молчание. Позднее, если за граница прямо обвинит Германию в соучастии, придется обсуждать этот вопрос, но с величайшей осторожностью и сдержанностью, все время заявляя, что турки были опасно спровоцированы армянами. Лучше всего хранить молчание в армянском вопросе.

Откуда это? Переворачиваю страницу... "Иозеф Маркварт в плане истребления западных армян". Кто это - Маркварт?

«А мой друг (Грант Матевосян) говорит не "резня", а "рЕзня". И я никак не могу отделаться от этого удара на первом слоге. Будто "резня" - это так, режут друг друга... а "рЕзня" - это когда тебя режут.»²

Совершая свое первооткрытие Армении, автор признается, что именно в Армении он также усмотрел пример подлинно национального существования и проникся понятиями родины и рода, традиции и наследства, особенно актуальными и нужными для народа, пережившего геноцид. Книга Битова «Уроки Армении» «стала уроком свободы для читателей, рождённых в несвободной стране»³, - утверждает поэт Константин Кедров. Но роман «Уроки Армении» стал настоящим откровением не только для армян, но и для представителей других наций, которые с помощью Битова совершили свое собственное открытие Армении с ее недавней трагической историей.

«Эти уроки, удивлявшие самого ученика, хотя между строк было понятно, что ему-то все понятно, стали откровением, в первую очередь, для нас, евреев,

¹ <http://andrey-bitovu/uroki-armenii>

² Андрей Битов, «Уроки Армении», М., 1990, с. 20.

³ Елена Шуваева-Петросян, Битовское армянское дерево, опубликовано в "Литературной России", www.litrossia.ru/2011/09/06008.html

тысячелетиями сдававших экзамен по этому предмету, который можно было назвать гражданственным, национальным, да и попросту человеческим.», - пишет израильский писатель Эфраим Баух.¹

Через 10 лет, пленившись битовскими «Уроками Армении» другой русский писатель-диссидент, вынужденный публиковаться в основном в эмигрантских изданиях, Юрий Карабчиевский совершил поездку в Ереван. Результатом этой поездки стал роман-эссе Карабчиевского «Тоска по Армении». Автора часто упрекали в том, что «Тоска по Армении» - это размышления научного работника, считающего себя писателем, в основном, о себе, любимом, в контексте вечного клубка противоречий: еврей, живущий в России, говорящий и пишущий только по-русски, стесняющийся своего происхождения и одновременно им гордящийся. слишком много пишет о себе и слишком мало о самой Армении. Но ценность этой книги для армян несомненна, не только потому, что в ней содержатся любопытные мысли русского интеллигента еврейского происхождения об армянах и Армении, но и потому, что в книге неоднократно говорится и о геноциде армян. Описывая свое впечатление от памятника жертвам геноцида армян, Карабчиевский пишет: «И вот я впервые вижу памятник, который меня потрясает.

В нем нет попытки изобразить события, потому что не было никаких событий, потому что не таким человеческим словом называется то, что стряслось с армянами. В нем нет рассказа, потому что он невозможен, потому что никакая система из металла и камня, ограниченная в материале, времени и пространстве, не в силах рассказать о двух миллионах изувеченных и замученных насмерть людей. В нем нет никакой прямой символики, ни имени скорби, ни даже попытки ее назвать — но есть ощущение скорби.»²

Сам этнический еврей, Карабчиевский не может не отметить сходство судеб армян и евреев, двух народов, подвергнувшихся в 20 веке планомерному физическому уничтожению.

Главная черта, объединяющая оба народы, по мнению писателя то, что и армяне и евреи - это «оставшиеся в живых» «И тут я впервые понимаю отчетливо, прямо в сердце меня укалывает эта мысль, в чем подлинная суть родства, между мной и ими, того родства о котором мне столько раз пытались сказать армяне и которое я сам чувствую в себе постоянно. Нет, не древние культуры, разве знатность происхождения может служить основой любви? И не национальная обособленность, откуда она у меня, никогда не бывало. Нет, главное здесь в другом: духовное родство оставшихся в живых. Естественная близость и понимание и взаимное утешение все потерявших, но оставленных Богом жить для какой-то Ему лишь ведомой цели».³

Одним из интереснейших произведений русской прозы последнего времени на тему армянского геноцида стал роман этнического армянина Луи Бриньона «Кес Арут». Луи Бриньон, настоящее имя которого Людвиг Агаджанов, к сожалению, почти не известен в Армении и НКР. А между тем он один из самых читаемых писателей, авторов исторических романов, в современной России. Родом из Грузии,

¹ Эфраим Баух. Об Андрее Битове, http://www.sunround.com/slovo/11_bauch.htm

² Юрий Карабчиевский, «Тоска по Армении», журнал «Литературная Армения», 1988, №8, с.72.

³ Там же, с. 73.

Людвиг Агаджанов проходил службу в советской армии в г. Степанакерте. Псевдоним Луи Бриньон он взял в честь французского врача, который спас его деда во время геноцида армян. В настоящее время писатель ведет уединенную жизнь, не дает интервью, и по праву считается одним из самых загадочных современных русских авторов. Роман «Кес Арут» охватывает период, не только связанный непосредственно с 1915 годом, его рамки гораздо шире. В основе сюжета романа подлинное событие из истории армян в Западной Армении на протяжении 20 лет. «Моя книга — это не способ ужаснуть кого-то реально переданными сценами зверств», утверждает сам Луи Бриньон.

«Это не попытка обвинить кого бы то ни было. Моя книга это голос... голос растерзанных, изувеченных, замученных, обесчещенных, растоптанных людей. Я преклоняю голову перед каждым из мучеников. Для них и во имя них... появились эти строки.»¹ Натуралистически описанные сцены насилия над мирными армянами и греками создают целостную картину невыносимой жизни христиан в Османской империи. Но описания зверств турок в отношении христиан и, в первую очередь армян, не является самоцелью автора романа.

«Кес Арут» не только роман-трагедия, начинающийся с описания гонений на армян во времена султана Абдул-Гамида до начала 20-х годов, но и роман о мужестве и человеческой солидарности, роман о возможности и необходимости сопротивления палачам. Актуальными до сих пор являются слова героев романа: «Некоторые считают, что, подготавливая боевые отряды, мы вызываем ненависть турок и тем самым приближаем расправу.

Сепух подобрал ещё немного веток в костёр. Глядя на костёр, он задумчиво проговорил.

— Глупцы, Ашот. Так могут говорить глупцы и предатели. Неужели наша история ничему не научила этих людей. Османская империя никогда не станет другом армянам. У них руки по плечо в армянской крови. Мы не улыбаться им должны, а сражаться. Насмерть сражаться.»² Главный герой романа — армянский воин-фидаи Арут из Кеса, у которого турки на его глазах вырезали всю семью, после чего справедливое возмездие становится целью жизни Арута, и имя его наводит страх на турецких палачей. Именно колоритный образ главного героя и превращает роман Луи Бриньона из трагического произведения в произведение о героическом сопротивлении. Знаменательны последние слова романа автора с французским псевдонимом Их произносит великий друг армянского народа, писатель Анатолий Франс. «Париж. Сорбонна. 9 апреля 1916 года.

Огромная аудитория университета была полностью забита. Люди стояли в проходах и, вытягивая шею, старались увидеть человека на трибуне. Анатолию Франсу шёл восьмой десяток, но, несмотря на это, голос писателя, наполненный болью и глубокой верой одновременно, прозвучал громко и отчётливо на весь зал:

— Решение об уничтожении этого народа, который любит нас, было принято на совещаниях турецкого правительства... Та небольшая доля крови, которую ещё он сохранил — драгоценная кровь, из которой возродится героическое потомство.

¹ Луи Бриньон, «Кес Арут», <http://fb2.booksgid.com/content/27/lui-brinon-kes-arut/1.html>

² Там же.

The Theme of the Armenian Genocide in Russian Prose
Nune Araqelyan
Summary

Key words: *understatement, slaughter, Holocaust, censorship, monument, resistance, solidarity, revival*

The author reviews the works of Russian author – novelists of the second half of the 20-th and the beginning of 21-st century, that addressed or mentioned the theme of the Armenian genocide or massacres in Osmanian empire: of V. Grossman, A. Bitov, Y. Karabchievsky. Special attention is paid to a little-known among Armenians the novel “Kes Harut” by Lous Brignon, published in 2008, and the main character of which is the Armenian fedayeen.